

Леонид
КАРПОВ

п. Кестеньга,
Республика Карелия

«Моя нечаянная радость...»

НИ К ЧЕМУ

Ты меня не гони — я ведь тоже всегда один,
если в царстве моём и окрестностях — гладь да тишь.
Я, не помню куда, пробирался тогда меж льдин
и услышал, как ты неизвестно кому кричишь.
Вроде с виду крепка и надёжна твоя ладья,
да и парус упруг, хоть и латок на нём — не счесть,
но почувствовал вдруг в этом море студёном я —
ты совсем разуверилась в том, что спасенье есть.
Разве жалость способна прокладывать в волнах путь?
Ей ли дарена смелость веслом отгонять акул?
Мне ведь тоже хотелось всей грудью тепло вдохнуть.
Мне ведь так же мечталось о суше, когда тонул.
Каждой лодке, увы, как и всякому кораблю,
подбирать утопающих свой предназначен срок.
Ни к чему нам с тобой говорить и писать «люблю»
в жизни той, где дано это высказать между строк.

Леонид Семёнович КАРПОВ

родился в 1966 г. в посёлке Кестеньга

Лоухского района Карельской АССР.

Жил и работал в Петрозаводске и Кандалакше.

Последние годы живёт в родном посёлке

и работает монтёром пути

в ОАО «Российские железные дороги».

Стихи публиковались в журнале «Север».

Автор поэтических книг «Давай поговорим» (2013)

и «Всё просто и всё очень сложно...» (2016).

Член Союза российских писателей.

ПОГОДИ

Нынче на душе моей усталость,
а была недавно благодать.
Ничего почти что не осталось
из того, что мог тебе я дать.
За спиной — неровная дорога,
в голове — бардак и в сердце сплин,
да ещё надежда, что у Бога
я, такой потерянный, один.
Что же, пусть хотя бы на рассвете
у тебя, проснувшейся едва,
вызовут улыбку все вот эти
с виду безнадежные слова,
ведь тебе доподлинно известно,
что почём, когда и почему
в огрубевшем теле стало тесно
внутреннему миру моему.
Погоди — пошарю по карману,
загляну в потрёпанный рюкзак
или из-за пазухи достану
пару крыльев — в этом я мастак.
В облака укутаю и снова
ты узнаешь, как они мягки,
и от удовольствия такого
мне простишь усталость и стихи.

ПЯТЬ МИНУТ ТИШИНЫ

Этот город ни за что не простит
тех волнительных мгновений, когда,
наплевав на волю, разум и стыд,
ты шепнула мне волшебное «да».
Неприветливый кирпичный старик
зло оскалил подворотнями рот,
сдвинул крыши набекрень и не вник,
что не каждому вот так повезёт.
Был оправданным наш грех или нет —
точно знали только дьявол и Бог,
да ещё, возможно, пьяный поэт,
заподозривший какой-то подвох
в звонком смехе на горящем мосту,
за которым лишь руины видны,
и кричавший нам, оглохшим: «Ату!
Объявляю пять минут тишины!»

НЕ ТЕ...

Моя нечаянная радость
и безысходная печаль,
не знаю, сколько дней осталось
нам плыть в неведомую даль
сквозь штормы, айсберги и мели,
спеша постигнуть жизни суть,
но я уверен — мы сумели
понять друг друга хоть чуть-чуть.
В тоске и в радости, и даже
в апатии или бреду
пошли к чертям того, кто скажет,
что я когда-нибудь найду
весомый повод усомниться
в твоей неброской красоте.
Вокруг — прекраснейшие лица,
но все они не те, не те...

ЗНАЮ

«Самый тёмный час — перед рассветом».
Пауло Коэльо

Не молчи — от долгой тишины
тянет мертвечиной и тленом,
словно мы навеки лишены
права говорить о сокровенном
и не понимаем, почему,
облачась в рифмованные строки,
всё, что близко сердцу и уму,
кажется теперь таким далёким.
Заплыла во двор ночная мгла
кровью из разорванной аорты.
Знаю — ты почти что не жила
в дни, когда я был почти что мёртвый,
но печалью душу не травми
и заставь себя забыть об этом,
потому что в жизни и в любви
самый тёмный час — перед рассветом.

ПОЧТИ НАВЕРНЯКА

Бродит по болоту ветерок,
в мох роняя спелую морошку.
Никогда он силы не берёт
и теперь слабеет понемножку.
Вроде бы азарт совсем исчез
и всё выше лес и ниже тучи,
а бедняге нужно позарез
доказать себе, что он летучий.

Утром на траве вдоль озера
заблестят слезинки белой ночи,
и чудак, почти наверняка,
из тумана вырваться захочет.
Я лодчонку на воду столкну,
он — волну пригонит из протоки
и, хоть на минуточку одну,
мы поверим, что не одиноки.